

Адекватное понимание политиками своей социальной и идеологической базы — одно из важнейших условий формирования действенной многопартийности. Другим важнейшим условием является эффективность партий как инструмента борьбы за власть. В российских реалиях партии никогда не станут самостоятельными политическими субъектами, так как ресурсы исполнительной власти всегда существенно превосходят аналогичные ресурсы парламентской власти. Партии приобретают жизнь тогда, когда за ними проступает "нечто большее" — борющиеся за власть и собственность кланы и группировки внутри исполнительной власти. В этом случае политические партии становятся фактором легитимации их властных устремлений, апелляции к обществен-

ному запросу. Сейчас именно такая ситуация — налицо начало распада общественного консенсуса, ожесточенная война номенклатурных группировок и неопределенность в процессе преемственности власти в 2007—2008 гг. И это позволяет предположить, что, скорее вопреки, а не благодаря затеянной сверху партийно-политической реформе, следующие выборы будут политически "более кровопролитными", их исход сегодня не гарантирован ни для кого.

Leontiy Byzov in "Proportional Electoral System and the Future of Political Parties in Russia" speculates about the presidential initiatives aimed at strengthening the party system and establishment of the new procedures for the parliamentary elections. He makes an attempt to understand whether these projects comply with the public expectations and the real functioning of the multi-party system in Russia.

А. Л. Андреев

ОБЩЕСТВО ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА: ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

На протяжении вот уже полутора десятилетий в российском обществе происходят глубокие качественные сдвиги. Изменились государственный статус Российской Федерации, общественный строй и социальная структура, получили широкое распространение новые идеи и формы социальной жизнедеятельности. В ходе реформ в повседневную жизнь наших сограждан вошли по сути незнакомые ранее понятия и явления — свободные выборы, плюрализм, многопартийность, открытое общество, конкуренция, предпринимательство, акционирование, контрактная армия, альтернативная служба, неправительственные организации ("третий сектор"), сетевые сообщества, Интернет и т. д.

Нынешнее поколение 18—20-летних россиян социализируется в совсем иных условиях, чем их родители и даже старшие братья и сестры, что порождает принципиальные различия в базовом коллективном и личностном опыте. В каком-то смысле эти условия формируют также новую идентичность. Сегодня в огромной степени возрастает социальная роль самостоятельного, инициативного, ответственного индивида. Вместе с тем усиливается потенциал конфликтности, возникают межпоколен-

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, зав. отделом комплексных исследований массового сознания Института комплексных социальных исследований РАН.

ческие разрывы ("кливажи"), отчуждение между различными социально-демографическими и этническими группами, разнообразные формы эксклюзии и дискриминации, создающие почву для социальных неврозов, которые находят свое выражение в политическом экстремизме.

Новая социальная реальность — это новые проблемы, на которые молодое поколение должно дать адекватные ответы. Научить его осознавать, формулировать и находить подходы к решению таких проблем — одна из задач современного российского образования.

Нет никаких сомнений в том, что обучение тесно связано с воспитанием. К сожалению, за последние полтора десятилетия российское образование в значительной степени утратило свои воспитательные функции, и общественность совершенно справедливо ставит вопрос об их восстановлении. Речь идет о необходимости создания социально-психологического пространства, в котором происходит совместная деятельность преподавателей и учащихся, связанная с формированием ценностей гражданственности [1]. Если ставить эту задачу в плоскости "социологического реализма", то начинать ее решение надо, очевидно, с анализа того, как молодые россияне представляют себе общество и свое место в нем, какие идеи и ценности определяют типологию их социального поведения. Особый интерес представляет в этом смысле наиболее образованная часть молодежи, поскольку именно ей в недалеком будущем предстоит играть наиболее активную роль в общественной и политической жизни страны.

Рассмотрим некоторые данные, характеризующие социальное мышление современного российского студенчества, его гражданскую позицию и уровень понимания социально-исторических процессов. Основным источником послужили материа-

лы Лаборатории социологических исследований МЭИ. В первую очередь это результаты проведенного осенью 2002 г. исследования, посвященного усвоению гуманитарных и социально-экономических дисциплин в российской технической школе. Программа исследования включала в себя социологический опрос студентов московских вузов (1459 респондентов, обучающихся в 11 вузах Москвы и Московской области, в том числе МГУ, МВТУ, МАИ, МЭИ, ВГИК, Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, Государственном университете гуманитарных наук и др.), социологическое тестирование (осенью 2004 г.) студентов МЭИ (426 человек), фокус-группы (они проводились только среди студентов МЭИ), а также экспертный опрос преподавателей гуманитарных дисциплин технических вузов и профилированных средних учебных заведений. Полученные результаты дополнены данными проводившегося весной 2004 г. тестирования социальных компетенций студентов МЭИ (который может рассматриваться в качестве достаточно типичного с точки зрения взглядов и настроений студенчества). Всего протестировано 456 респондентов. В обоих случаях выборка репрезентативна относительно распределения студентов по курсам. Кроме того, для сравнения нами привлекались данные ряда всероссийских социологических опросов последних лет (во всех подобных случаях источник специально оговаривается).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что молодое поколение в значительной мере преодолело тот комплекс коллективной вины (за сталинские репрессии, за имперское прошлое, за нелиберальный характер национального менталитета и пр.), а также связанный с ним синдром исторической обреченности, который в значительной степени парализовал социальную волю россиян в первой

половине 90-х годов. На место страны, в которой никогда не получалось и в принципе не может получиться ничего путного, вновь стал образ великой державы с достойным, хотя и нелегким, прошлым и в целом благоприятными перспективами. При этом молодые люди достаточно отчетливо понимают, что "само ничего не делается" и будущее создается ими самими.

Вероятно, многие представители старшего поколения, сетующие на молодежь, будут немало удивлены утверждением, что несмотря на очень напористую пропаганду "рыночного" отношения к жизни, в основе которого лежат ценности удовольствия и потребления, образованная часть российской молодежи, по-видимому, в значительной мере сохраняет веру в "высокие идеалы" (хотя далеко не всегда в состоянии представить их себе сколько-нибудь отчетливо). Во всяком случае, на уровне вербального самоотчета такая установка безусловно доминирует над различного рода скептическими оценками ("стремиться к высоким идеалам можно, но только это напрасный труд", "стремиться к высоким идеалам бесполезно").

При дифференцированном анализе распределения мнений по этому вопросу (кросс-табуляции) наиболее значимой оказалась корреляция ответов на него с успеваемостью. При этом обнаруживается определенный разрыв между самой слабой группой

студентов и всеми остальными: как оказалось, чистые "троечники" наименее склонны к идеалистическим устремлениям, однако уже у тех, у кого "тройки" примерно поровну перемежаются с хорошими оценками, "индикатор идеализма" скачкообразно повышается почти до уровня наиболее сильных студентов (табл. 1).

Судя по полученным данным, большинство студентов считают безусловно необходимым участвовать в политической жизни страны (рис. 1).

Сказанное касается и демократических процедур формирования законодательной и исполнительной власти. Более 55 % опрошенных всегда или почти всегда участвуют в выборах, не участвуют — всего 13 % (рис 2).

Правда, само по себе это еще не свидетельствует о высоком интересе к политике: как ни странно, студенческая молодежь в России принадлежит к числу социальных групп со сравнительно низким уровнем политического участия, уступая в этом отношении молодым военным, предпринимателям и гуманитарной интеллигенции [2].

О каких же вопросах политической и общественной жизни слышали наши респонденты в последнее время, и о чем, по их самооценке, они имеют достаточно полное и адекватное представление? Среди студентов МЭИ на первом месте оказались такие темы, как международный терроризм, расширение НАТО на восток, арест М. Ходорковского и

Таблица 1
Связь между стремлением к высоким идеалам и успеваемостью, %

Успеваемость	Стремиться к высоким идеалам				
	Необходимо	Можно, но это напрасный труд	Бесполезно	Трудно сказать	
Больше отличных оценок	69,6		19,5	1,3	9,6
Отличные и хорошие поровну	63,4		16,9	5,2	13,4
Больше хороших	64,3		12,6	2,8	19,4
Хорошие и удовлетворительные поровну	66,2		10,8	4,4	17,9
Больше удовлетворительных	54,4		11,9	7,3	26,4
Всего	64,5		14,1	3,7	17,1

ряд других. Все это, как правило, сюжеты "событийного" типа. Те же вопросы, которые требуют сопоставлений и размышлений (новый Лесной кодекс, дискуссии о перераспределении природной ренты и т. д.) оказались почти совсем незамеченными, или, во всяком случае, упоминались лишь в единичных случаях. По-видимому, у основной массы опрошенных отсутствуют навыки целенаправленного поиска "стратегической" информации и ее анализа. Допускаем в этой связи то воз-

ражение, что наши респонденты — не политологи и интересуются политической и общественной жизнью как "обычные" граждане. Но возьмем тему образования. Разумеется, она волнует студентов, и большая их часть утверждает, что знает о принимаемых в этой сфере реформах, в том числе о введении ЕГЭ и порядка финансирования по системе ГИФО. Однако беседы, проводившиеся нами с целью прояснения уровня информированности в данной области, показали, что опраши-

Рисунок 1
Считаете ли Вы полезным личное участие в политике, %

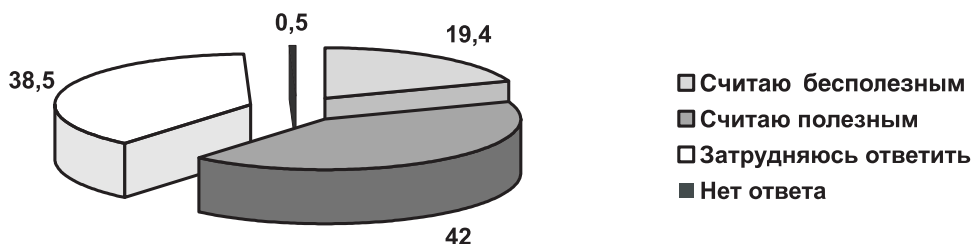
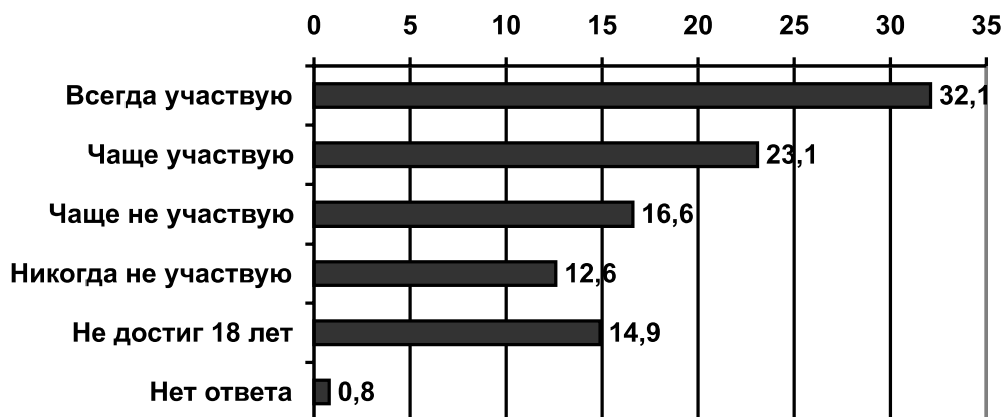

Рисунок 2
Электоральная активность студентов московских вузов, %

ваемые рассматривают эти темы опять-таки на чисто событийном уровне, никак не связывая предпринимаемые шаги с другими реформами и общим контекстом российской модернизации. Практически совершенно неизвестна респондентам проблематика Болонской декларации: так, среди студентов МЭИ только 3,6% ответили, что достаточно хорошо знают о ней.

Но чтобы мы ни думали о компетенциях и компетентности современных студентов, сами они считают себя людьми "разбирающимися". В частности, от 40 (5 курс) до 44% (1 курс) студентов МЭИ полагают, что их осведомленность в сфере политики и общественной жизни в целом является вполне достаточной.

Так ли это на самом деле? Судя по данным тестирования, большинство студентов правильно отвечают на вопросы, касающиеся общих представлений о политическом устройстве страны, текущих политических событиях и ведущих деятелях российского политического Олимпа. Так, почти 82% своевременно зафиксировали в своем сознании смену правительства и знают фамилию нового премьера М. Е. Фрадкова (тем не менее около 7% думают, что этот пост все еще занимает М. М. Касьянов). Примерно две трети опрошенных знают установленные законом условия, при которых выборы признаются состоявшимися, а также ограничения, регулирующие представительство политических партий в Государственной думе (преодоление 5-процентного барьера), свыше 46% правильно и 30% частично правильно (с отдельными неточностями) называют политические партии, представленные в российском парламенте. Однако детали процедурно-счетных технологий политической игры, особенности которых очень важны для понимания того, как подводится баланс политических сил и вырабатывается механизм принятия решений,

известны молодым людям в гораздо меньшей степени. В частности, только четверть опрошенных студентов осведомлена о том, что происходит с голосами, поданными за партии, не преодолевшие 5-ти процентный барьер, тогда как 30% полагают, что они вообще не учитываются, а 20% думают, что такие партии могут объединить поданные за них голоса и пройти в Государственную думу уже совместно. Понятно, что, не зная соответствующих тонкостей, молодые люди не могут рационально просчитывать все последствия своих электоральных решений и действий, а значит, не могут и распорядиться своими голосами с полным знанием дела.

Обращает на себя внимание то, что о "нижних этажах" политики, которые в наибольшей степени доступны молодым людям с точки зрения их личного участия (включая первые шаги политической карьеры), они осведомлены гораздо меньше, чем об уровне высшей федеральной власти, до которого им, как говорится, еще трудно дотянуться. Например, на вопрос о том, кем выбираются или назначаются главы районных администраций Москвы, правильно ответили менее 3% (!) московских студентов. При этом свыше 17% первокурсников и примерно каждый десятый пятикурсник считают, что высшим законодательным органом столицы является мэрия.

Отметим, что у нынешней молодежи, судя по всему, идет активное возрождение чувства патриотизма. При этом патриотическая гордость для большинства студентов более значима, чем профессиональная. Как показал опрос, почти 70% московских студентов испытывает чувство гордости за Россию и ее традиции, примерно столько же — за город, в котором они живут (табл. 2).

Опрос московских студентов подтвердил выявленную социологами в середине 90-х годов тенденцию к сдвигу фокуса идентичности и соци-

альной лояльности с государства на национально-этническую общность. Соответственно, число студентов, гордящихся своей национальной принадлежностью, оказалось больше числа тех, кто испытывает гордость за страну и ее историю, примерно на 10%.

Непосредственным следствием укрепления патриотических настроений в последние годы является готовность учащейся молодежи жить и работать в России. Если для поколения, входившего в жизнь в начале 90-х годов, стремление "вырваться" и любой ценой попасть в "нормальную страну" было своеобразной *idée fixe*, то сегодня это поветрие в значительной мере ослабло. В частности, почти 70 % опрошенных нами студентов предпочитают жить и работать в России, тогда как отчетливые эмиграционные настроения зафиксированы лишь у 17 %, а 11—12% опрошенных предпочитают определиться в этом вопросе в зависимости от обстоятельств (рис. 3).

Доминирование этой тенденции в студенческой среде в целом отражает

общие тенденции в эволюции общественного самосознания, устойчиво фиксировавшиеся социологами на протяжении последних лет.

Вместе с тем формирующаяся у определенной части молодого поколения психология самодостаточности в какой-то степени подрывает очень важную для успешной реализации национальных интересов установку на соревновательность, включая и ее экономическую составляющую — постоянную и систематическую работу над собой с целью повышения конкурентоспособности и выхода на уровень мировых стандартов. У некоторых студентов патриотизм проявляется в форме своеобразного ощущения самодостаточности российской жизни, что порой становится оправданием рутинности, нежелания "тянуться за другими". Возникает своеобразный психологический сплав из примитивного рыночного мышления ("и без этих премудростей можно зарабатывать"), сниженных социальных амбиций и агрессивно националистических настроений ("они нам не

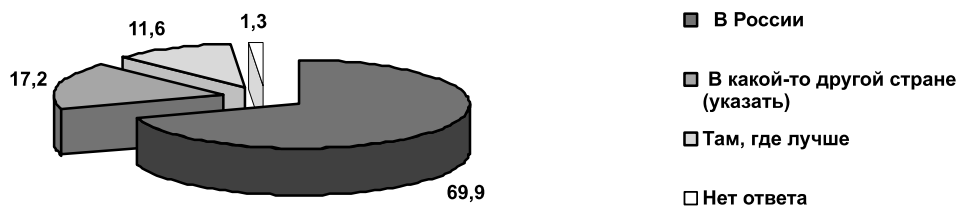
Таблица 2

Распределение ответов на вопрос "За что Вы испытываете чувство гордости"?, %

Чувство гордости за:	Да	Нет	Трудно сказать	Итого
Историю России и ее традиции	69,3	8,6		100
Свою национальность	78,3	6,6	20,7	100
Свою профессию	59,1	8,5	13,9	100
Своих родителей	85,0	3,3	31,1	100
Город, в котором живет	69,0	12,5	10,7	100
Вуз, в котором Вы учитесь	71,1	8,0	17,1	100
Свои личные достижения	41,6	19,3	19,8	100

Рисунок 3

В какой стране Вы хотели бы жить, %

указ", "как хотим, так и живем", "достали нас все эти разговоры об американцах и их достижениях").

Характерно, что такого рода настроения часто сопрягаются с установкой на "минимизацию" усваиваемого круга знаний и, в соответствии с этим, с предубеждением против гуманитарных дисциплин, которые не только "по жизни никому не нужны", но еще и раздражают тем, что постоянно апеллируют к более высоким образцам, за которыми волей неволей приходится "тянуться".

Анализ темы гражданского долга и патриотизма довольно показателен с точки зрения характеристики социального и политического дискурса современной студенческой молодежи прежде всего в силу того, что разговор на эту тему не требует каких-то особых знаний и сложных рассуждений. Обращает на себя внимание искренность, с которой молодые люди выражали свое стремление быть и оставаться россиянами. Несомненно, это — не "парадная" ценность. Но сегодня молодежь чувствует необходимость обосновывать ее через что-то такое, что представляется им более понятным и безусловным. Обычно это указание на то, что "в России тоже можно зарабатывать". Аргументы, связанные с культурой или историей, звучат в данном контексте весьма редко.

Результаты исследований позволяют сделать вывод, что в большинстве своем учащаяся молодежь не видит каких-либо привлекательных альтернатив демократии и рыночной экономике. Триада политических идей, которые, по мнению вузовской молодежи, в наибольшей степени подходят для России, выглядит вполне в духе времени — рыночная экономика (почти 23 % опрошенных), демократическое развитие (около 20 %) и правовое государство (свыше 16 %). Приверженцев особого пути России — 12,4%,

сторонников монархических идей — 3,6% опрошенных.

Вместе с тем "демократический и рыночный выбор" молодого поколения отнюдь не является ценностью устойчивого большинства. В частности, обращает на себя внимание, что почти 60 % респондентов вообще не стали отвечать на вопрос о том, какие политические идеи подходят современной России, а еще 17% ответили "не знаю".

Отметим, что социальное мышление молодежи содержит ряд противоречивых моментов, которые плохо совмещаются с идеологией построения в России мультикультурного общества. Так, на вопрос о том, каким должно быть соотношение различных национальных культур и традиций в российском обществе, около 37 % респондентов ответили в духе "толерантного национализма": все культуры и традиции в принципе равны, но общий облик страны должна все же определять русская культура. Достаточно большую поддержку среди студенчества имеет и лозунг "Россия для русских": среди наших респондентов это около 17 %. В то же время сосуществование разных культур без преобладания какой-то одной поддержали всего около 8 %. Не слишком привлекательной кажется московским студентам и идея следования культурным образцам Запада (6,1%).

Дифференциация позиций по поводу модели межнациональных отношений и соотношения национальных культур в некоторой степени связана с гендерными различиями. Жесткая форма национализма ("Россия для русских") для девушек менее привлекательна, чем для юношей (среди первых ее поддержали 14%, среди вторых — 21%). Кроме того, распределение мнений по данному кругу вопросов отчасти зависит от успеваемости, но зависимость эта касается не столько опозиций между толерантностью и нетерпимостью, западной и внезападной цивилизации

онными ориентациями, сколько от-тенков в трактовке "русского" и "рос-сийского" (российское как русское, российское культурное как многооб-разие с русской доминантой, евра-зийская модель и т. п.).

Выдвигая в качестве идеальных такие отношения между людьми, ко-торые были бы основаны на принци-пах солидарности и взаимопомощи, молодые люди тем не менее посто-янно выражают твердое убеждение, что в нынешней жизни выигрывает тот, кто думает только о себе, а дру-гих "расталкивает локтями". Резуль-таты исследований позволяют ут-верждать: молодых людей от осталь-ных россиян в наибольшей степени отделяет не водораздел между авто-ритаризмом и демократией, а "рис-кованность" некоторых социальных приоритетов, вызывающих серьезные вопросы с этической и даже пра-вовой точки зрения: характерно, на-пример, что "честно прожитая жизнь" практически совершенно вы-падает из структуры значимых для молодежи моделей социального по-ведения. Так, среди московских сту-дентов эта позиция собрала лишь около 10 % голосов, тогда как в вы-борке, представляющей российское население в целом (всероссийский опрос ИКСИ РАН) этот показатель по крайней мере в 4 раза выше .

Однако, возможно, самой слабой стороной социального мышления со-временного студенчества, является склонность к "простым решениям", которые начинают рассматриваться как "естественный", единственно возможный подход к жизни. При этом у молодых людей с "техничес-ким" складом мышления данная тен-денция усугубляется подсознатель-ной склонностью анализировать со-циальные проблемы по образцу тех-нических, — значительно более од-нозначных по своему содержанию, что проявляется прежде всего при оценке различного рода силовых ак-ций. Обращает на себя внимание та

популярность, которую приобрели в последнее время "простые" рецепты разрешения национальных проблем и конфликтов (тотальная депортация кавказцев, антисемитизм и т.п.). Вместе с тем нельзя исключать рас-пространения такой постановки во-проса и на область социальных про-тиворечий, что может выразиться, в частности, в требованиях экспропри-ации "неправедно нажитых состоя-ний". В сочетании с "инструменталь-ной неграмотностью" эта особен-ность социального мышления моло-дежи по сути дела подготавливает почву для реставрации авторитар-ных или даже тоталитарных тенден-ций уже "внутри" демократии.

Вывод, который следует из нашего анализа, состоит в том, что демокра-тия для современной молодежи, воз-можно, является не столько убежде-нием, сколько настроением. Соответ-ствующая позиция в сущности не об-лечена в концептуальную форму, вследствие чего студенты обычно испытывают трудности в ее связном обосновании (если, конечно, не при-нимать за таковое повторение не-скольких постоянно тиражируемых СМИ расхожих формул).

Примечательно, что студенты да-же старших курсов (уже изучавшие политологию) плохо владеют ключе-вым для современных представлений о демократии понятием граж-данского общества и во многих слу-чаях употребляют его неправильно. Отвечая на вопрос о том, какие ин-ституты относятся к сфере граждан-ского общества, студенты МЭИ от-носительно благополучно справи-лись только с такими вариантами ответа, как "профсоюзы" и "полити-ческие партии" (хотя и в этом слу-чае число не допустивших ошибки едва дотянулось до половины). Лишь около четверти участников тестиро-вания отнесли к гражданскому об-ществу творческие союзы, правоза-щитные организации и экологичес-кие движения и практически столь-

ко же такие органы государственной власти, как милиция и даже... армия. Очень многие затруднились в ответе (табл. 3).

Между социальными и политическими представлениями учащейся молодежи и тем, что она проходит на занятиях по гуманитарным и социальным дисциплинам, имеется почти такой же разрыв, как между их культурной практикой и вузовской культурологией. Необходимую им информацию о политической жизни студенты получают в основном из различных СМИ. Среди них, как нетрудно догадаться, абсолютным преобладанием пользуется телевидение: в качестве значимого источника информации о политике его назвали 85% респондентов. И только 1,5% обучающихся в московских вузах студентов ответили, что узнали что-то существенное об этой сфере жизни от преподавателей или из учебников.

Выявленные в ходе исследования и артикулированные нами моменты социального мышления, получившие распространение в студенческой среде, обсуждались с преподавателями вузов и учителями средних школ с тем, чтобы попытаться уяснить механизм их генезиса и тот критический момент в хронологии про-

цесса обучения, когда эти особенности начинают давать о себе знать и проявляются как системообразующее начало формирующейся у молодого человека "картины мира"

В ходе обсуждения было высказано мнение, что причины утраты навыков концептуализации социального опыта следует связывать с некоторыми закрепившимися в последнее время тенденциями в подаче образовательной области "обществознание" в средней школе. Преподавание входящих в эту область предметов, особенно истории, стало заметно разнообразнее с точки зрения дидактической формы и подходов к освещению исторических событий и фактов. В содержательном отношении важную роль играет преодоление того суховатого, схематизирующего догматизма, который долгие годы выдавался за "истинный марксизм". Труднее, но все-таки более или менее успешно преодолевается однозначность трактовок и оценок, что способствует постепенному утверждению в общественном сознании идеи альтернативности истории, а значит и ответственности каждого за тот коллективный выбор, который мы делаем.

Отмечают учителя и улучшившееся в самые последние годы качество

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: "Что из перечисленного Вы бы отнесли к элементам и структурам гражданского общества?", %

Варианты ответов	Да	Нет	Нет ответа
Профсоюзы	57,5	3,2	39,3
Политические партии	46,4	5,4	48,2
Суды	43,2	6,4	50,4
Общественные правозащитные организации (Хельсинкская группа и др.)	29,3	8,6	62,1
Милицию	27,9	9,3	62,9
Армию	27,1	10,0	62,9
Творческие союзы (Союз писателей, Союз кинематографистов и др.)	26,8	8,2	65,0
Экологические движения	26,4	8,2	65,4
Советы ветеранов	26,4	8,6	65,0
Русскую православную церковь	24,3	8,9	66,8
Банки	15,0	10,7	74,3
Администрацию президента	12,9	11,1	76,1
Нотариальные конторы	10,0	12,1	77,9
Российский союз промышленников и предпринимателей	12,5	10,7	76,8
Национальные землячества	11,1	12,5	76,4

учебной литературы. Во всяком случае сегодня она в большинстве своем уже не вызывает таких недоуменных вопросов, как, например, некоторые учебники начала 90-х, содержавшие попытки ревизии исторического пути России в духе тотального "развенчания".

Вместе с тем учителя истории (обычно они преподают все социальные предметы), у которых в ходе проводившегося ЛСИ МЭИ исследования по проблемам непрерывного гуманитарного образования были взяты экспертные интервью, нередко отмечали, что реструктурирование программ и учебных планов, обусловленное как стремлением разгрузить учеников, так и потребностью найти часы для новых предметов (московведение, информатика и т. д.), привело к смещению сложных для понимания тем новой и новейшей истории на более ранние сроки, когда ученикам еще трудно в них разобраться. Параллельно происходит вынужденное сокращение часов на эти темы, когда, например, на такой переломный для судеб России момент, как Первая мировая война и февральская революция, вынужденно отводится всего лишь один сдвоенный урок. Как учителя, так и опрошенные нами их бывшие ученики (студенты и аспиранты технических вузов) считают, что следовало бы более подробно, чем сегодня, изучать европейскую и мировую историю, потому что если историю России выпускники школ "еще кое-как знают", то мировую не "зна-

ют совершенно".

К сожалению, однако, ни учителя, ни методисты, ни многие из авторов школьных учебников практически не сталкиваются со студенческой аудиторией и потому не могут оценить, как выглядят результаты их работы через несколько лет после того, как им была проставлена последняя школьная отметка, удостоверяющая уровень теоретически приобретенных знаний. Впрочем, и вузовские преподаватели в лучшем случае лишь эпизодически связаны со школой.

В наших исторически сложившихся условиях профессорско-преподавательский состав вузов и учителя школ — это разные, причем достаточно отгороженные друг от друга сообщества и даже разные по своему типу субкультуры. И если через незримый барьер, разделяющий эти два сообщества, не будет наведен какой-то институциональный мостик, то, судя по данным проведенных нами исследований, существенно улучшить качество гуманитарного образования вряд ли удастся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филонов Г. Н. Феномен гражданственности в структуре личностного развития // Педагогика. 2002. № 10.

2. Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 119.

Andrei Andreev devotes his article "Society in the Eyes of a Student: Civic Position of the Russian Youth" to the perceptions of the Russian students of their role in the society and norms of social behavior. How well do the students understand the social and historical processes today? What is their civic position?